

Пред Родиной Небесной



Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

Поэт, прозаик, выпускник Литинститута им. Горького. Лауреат премий имени Евгения Замятина, имени Святого Благоверного князя Александра Невского и других литературных наград. Протоиерей Русской православной церкви, настоятель храма Архистратига Михаила и преподобного Симеона Столпника. Живёт и служит в Липецке.

в подкрепление своих слов цитирую самого Геннадия Рязанцева-Седогина:

Всходило солнце в шесть утра.
Сначала освещало раму,
Затем портьеру, часть ковра,
И спящую тихонько маму.

Свет огибал овал плеча,
Изгиб руки, волос колосья...
И яркость первого луча
Делила мир на до и после...

Вот этим невыразимым мироощущением «до и после» пронизаны лучшие строки поэта, пронизано всё его служение Высшим силам как человека и как священника.

Которое уже тысячелетие человечество торопливо мечется в поисках чудесного. Жаждой внезапного чуда живём мы все до самого последнего мгновения бытия земного. И лишь редким натурам дано понять, что чудо давным-давно явлено нам в образе Христа, что чудо — это отсутствие греха. Человек, победы грех, и душа твоя и ты сам во плоти преобразишься. Но:

Не многим удавался этот путь
На грани выдоха и вздоха:
Без страха в горный мир шагнуть,
И пусть клянёт тебя эпоха.

Там свет сияет ярче тьмы,
Там слышно ангельское пенье,
И Серафимов оперенья
Мерцают, как лучи Луны.

Эти светящиеся серебром строки Геннадия Рязанцева-Седогина дышат преддверием чуда, неистребимой верой в победу Божьего Чуда над злом и неверием во

времени и вечности. Именно такие строки возникают от соприкосновения с прекрасным, по воле Божьей, а не в результате унылого, натужного самокопания в тёмных безднах бессознательного, где мнимое выдаёт себя за истинное.

Незаслуженно свергнутый ныне с законного пьедестала, поэт-трибун Маяковский как бы в пику засилью пресловутого Серебряного века, опилки коего всё пилит и пилит современные стихотворцы, сказал:

Больше поэтов хороших и разных...

К сожалению, с хорошими в наши новейшие времена, увы, напряжёнка. А вот с разными без проблем. И царят матёрые непуганые графоманы в стольных, областных и прочих пределах.

Но, слава Богу, нет и не будет никогда времён последних для поэзии русской. И всё творчество Геннадия Рязанцева-Седогина тому яркое подтверждение, как и его замечательное стихотворение «Поезда детства».

«И чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд...» — когда-то простодушно обмолвился мой любимый Пастернак. Нет, Борис Леонидович, нет... Истинные стихи никогда не случайны, ибо ничего случайного по воле Божьей не бывает.

Настоящая Поэзия есть Божественная неслучайность, не учтённая немощным разумом людским, существующая не во времени, а в вечности. И неслучайна моя встреча с Геннадием Рязанцевым-Седогинным, и мои прерывистые рассуждения о его творчестве неслучайны.

И что сказал, то сказал!

Лев КОТЮКОВ,
лауреат Патриаршей премии

Геннадий Рязанцев-Седогин как русский поэт, как истинно православный человек, в лучших своих произведениях через слово стремится обрести Родину Небесную, ибо всей полнотой души ощущает, что наша Родина — вечное Небо.

Именно об этом его короткое, но предельно энергоёмкое стихотворение о природе земного и небесного, о судьбе поэта на страшных перекрёстках планетных дорог:

Как страж между двумя мирами
Стоишь, храня слова, поэт...
И, ежедневно умирая,
Ты ищешь правды вечный свет.

Слепа судьба в огне эфира,
И речь твоя сродни мольбе.
Выходит не строка — стихира,
Но, кажется, Спаситель мира
Идёт к тебе, зовёт к Себе...

Этот зов в душе поэта от первой до последней строчки. Этот не слышимый праздному слуху вечный зов полнит не-

иссякаемой энергией вселенскую духоматерию, не позволяя обратиться в ничто всему истинно живому, обретающему бессмертие по воле Божьей на нашей грешной Земле:

Душа должна привыкнуть к телу,
Затем направиться туда,
Где нет дороги, нет предела,
Где все в бессмертье — навсегда!

Это не декларация. А глубинное состояние души поэта. Но жизнь земная в своем страшном, невыносимом разделении не отпускает поэта на волю. Она дарует иллюзорную свободу бытия в небытии, так называемую свободу выбора, которую осуетившиеся умом принимают за свободу Воли Божьей, ибо истинный идеал человека: «Чтобы воля моя — волей Божьей стала!»

Это мои слова, и да простит меня читатель за самоцитирование в предисловии к стихам товарища, а вернее, собрата. И поспею, дабы избыть мелкую неловкость,

В непридуманном мире, в России...

Геннадий СЕДОГИН-РЯЗАНЦЕВ



Памяти Валентина Устинова

Ты удержишься на грани красоты,
Постой над бездной, как канатоходец,
Один неверный шаг исполнишь ты
И устремись в каменный колодец.

Не многим удавался этот путь,
На грани выдоха и вдоха,
Без страха в горный мир шагнуть,
И пусть клянёт тебя эпоха.

Там свет сияет ярче тьмы,
Там слышно ангельское пенье,
И Серафимов оперенья —
Мерцают, как лучи Луны.

Садилось солнце в океан,
Вода свинцово потемнела,
На солью дышащее тело,
Спустился сумрака туман.

Минута горестной тоски,
Среди Всемирного молчания,
И тонкий яд воспоминания.
Как узы смерти велики!

В непридуманном мире, в России
Позабыли трагический век!
Здесь людей, словно травы, косили
И бросали снопами на снег.

Русской библии не напишут,
Здесь ещё не намечен исход...
Как роженица, Родина дышит,
Ожидая движения вод.

«Ждать кого нам, Отчизна родная?!»
Вновь звучит вековечный вопрос,
И летит он от края до края:
Но не слышит Россию Христос!

Июльский день тихонько таял,
И ты лежала на диване,
Беспечных воробышек стая,
Чирикала в ветвистом стане.

В открытое окно лучилось
Тонущее за лесом солнце,
И облако ещё светилось
Неровным и припухшем донцем.

Дохнуло сыростью, и тюль
Вдавило набрежавшим ветром...
О, Господи, где тот июль,
Наполненный тобой и светом?..

Поезда детства

Отгрохотали барабаны,
Промчался «скорый» на Восток,
А мы стояли, мальчуганы,
И нас закручивал поток.

Железный ветер, гул состава
Вдаль уносил сцепной вагон,
И стрелочница тётя Клава
Роняла пепел на перрон.

Мы никогда не успевали
Поймать вагонов точный счёт,
Мы в спорах истину искали,
Был прав, кто был сильнее и вот,

Смотрели мы и тосковали
О жизни... Грезилась она.
О Боже правый, мы не знали —
Как эта жизнь была трудна.

Как томителен срок ожидания,
И никто мне не может помочь.
Словно ангельское ликостояние, —
Эта дивная звёздная ночь,

Эта мысль о последней разлуке
С этим миром, с тобой, милый друг.
Как тревожны полночные звуки,
Как сияет Луны полукруг!

И за всем этим тёмным пределом —
Где пространства и времени нет —
Ты идёшь в ослепительно белом,
Словно не было прожитых лет.